

УДК 94

УРБАНИЗАЦИЯ ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ: ИСТОРИЯ КАЛЛЕВЫ АТРЕБАТОВ

© 2017 г.

А.Е. Барышников

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

baryshnikov85@gmail.com

Поступила в редакцию 03.04.2017

Рассматривается история Каллевы атребатов, одного из важнейших городских центров юго-востока римской Британии. По нашему мнению, в развитии города (равно как и урбанизации всего региона) основную роль сыграли несколько факторов. Первый из них – географический. Каллева находилась на пересечении торговых путей, соединявших запад, восток и юг провинции. Важным фактором стало также влияние местных традиций, сформировавшихся в доримский период: они не исчезли, но продолжили своё существование, определив специфику жизни города. Наконец, определённую роль сыграла деятельность Тиберия Клавдия Тогидубна, последнего правителя Южного царства, чья ориентация на Рим была примером для подражания. Выбрав Каллеву в качестве основного города своих владений, Тогидубн во многом предопределил её дальнейшее развитие.

Ключевые слова: римская Британия, юго-восток Британии, Тогидубн, урбанизация, романизация, Каллева атребатов.

С утверждением римской власти Британия стала частью огромного культурного пространства, сети коммуникаций и каналов взаимодействия. Эта сеть напоминала паутину, тончайшие нити которой связывали территории и события, людей и технологии; колебания одной нити распространялись по остальным, перемены в одном сегменте паутины влияли на другие. Изменения и процессы, происходившие в пределах этой паутины культурного взаимодействия Рима и бриттов, были тесно связаны между собой и приводили к комплексным изменениям в жизни острова. Одним из самых заметных и значимых процессов трансформации была урбанизация присоединённых к Империи земель, в результате которой появились города средиземноморского типа, служившие узлами этой паутины и бывшие движущей силой последующих социокультурных метаморфоз на Альбионе.

Раньше всего эти перемены начались на юго-востоке острова, который был теснее других областей связан с континентом. Регион первым попал в сферу интересов и влияния римской державы, расширявшейся на запад и север за счёт Галлии и прирейнских земель. Для Цезаря и его современников реальной, представимой и знакомой Британией был не весь остров, но именно его юго-восточная часть. Покорение данного региона, разделённого накануне вторжения на два царства – Южное и Восточное, началось с военной операции и было продолжено культурной экспансией. Юго-восток острова стал ядром провинции и локомотивом культурных перемен: отсюда в другие части острова

шли новые товары и технологии, распространялся новый образ жизни и привычки, здесь раньше всего началась урбанизация и возникли первые провинциальные города. Особое место среди них занимает Каллева атребатов (совр. Силчестер, графство Хэмпшир), ставшая крупнейшим поселением на территории бывшего Южного царства и одним из важнейших административно-хозяйственных центров региона.

Для исследований романо-британского урбанизма Каллева представляет особую важность. Дело во взаимном расположении древнего и современного поселений – большая часть Каллевы находится под нетронутыми человеческой деятельностью полями, что позволяет реконструировать городскую жизнь в масштабах, недоступных для других городов Британии [1, р. 263]. Благодаря этому обстоятельству Силчестер на протяжении двух столетий является одним из самых изучаемых городов провинции [2, р. 180–184, 287–293, 302–306; 3; 4].

Наши знания о доримской Каллеве основываются исключительно на нумизматических и археологических источниках. В последние десятилетия I в. до н.э. здесь существовало поселение, защищённое рвами, валами и палисадом [5, р. 16–17]¹. Само название «Каллева» впервые появляется между 20 г. до н.э. и 10 г. н.э. на монетах Эппила, который либо был преемником Тинкомара, либо отложился от него, сделав центром своих владений древний Силчестер [6, р. 149–150]². Следующий правитель Южного царства, Верика, вернул Каллеву, но ненадолго – в 30-х гг. н.э. она оказалась в руках Эпатикка,

ставленника и, возможно, родственника Кунобелина³. Поселение оставалось под властью Восточной династии вплоть до римского завоевания.

Каллева представляла собой крупный по меркам доримской Британии *oppidum*, площадь которого была около 32.5 га. Протогородское поселение атребатов имело прочные (пусть и не прямые, но проходившие через Кантий или через остров Хэйлинг и район Новиомага) торговые связи с континентом. Многочисленные находки керамики типов *terra nigra*, *terra rubra*, *terra sigillata*, сделанные как в центре поселения, так и за его непосредственной границей, указывают, что жившие здесь люди были хорошо знакомы с материальной культурой империи [10, p. 120–121]. В этом Каллева схожа с *oppida* юго-востока – Камулодуном, Верламионом, Дуверном и другими.

Уникальная особенность в развитии доримского поселения была замечена Эйлин Фокс в 1948 году [11]. Исследовав расположение некоторых зданий в центре римской Каллевы, она указала на их аномальное, отклоняющееся расположение по отношению к основным улицам, пересекающимся под прямыми углами. Отклонения оказались неслучайными – эти здания строились в соответствии с другой планировкой улиц, которая появилась ещё до римского завоевания [1, p. 170; 9, p. 65; 12, p. 265; 13, p. 128]. Существование регулярной планировки в других доримских поселениях Британии не зафиксировано. Появление регулярного плана не могло быть случайным, оно отражало вкусы и намерения местной элиты (возможно, Эпаттика и его приближённых). Бриттская аристократия Каллевы была знакома с городским образом жизни в Империи, ориентировалась на римскую культуру и имела достаточно средств, чтобы следовать её образцам.

Бросаются в глаза некоторые особенности, проявившиеся во время и сразу после римского завоевания. Во-первых, Каллева, оказавшись вдали от основных событий кампании, перешла под власть римлян без боя – на данный момент не обнаружено никаких археологических следов разрушений. Во-вторых, поселение, судя по имеющимся данным, осталось свободным от сколь-нибудь крупного римского гарнизона [14, p. 2–3; 15, p. 6–7]. Отдельные свидетельства (части *lorica segmentata*, фрагмент кавалерийской сбруи) могут быть интерпретированы и как следы непродолжительного размещения здесь небольшой вексиляции, и как попытка Эпаттика, Верики или Тогидубна перевооружить своих сторонников по римскому образцу [9, p. 67–68; 16, p. 33, 340]. Нам представляется более вероятным второе предположение.

Серьёзные изменения ждали Каллеву с образованием на землях южной династии независимого от Рима царства Тогиудубна [17, с. 40–41]. В 50–60-х гг. н.э. поселение начало активно перестраиваться. На основе вновь проложенных, пересекающихся под прямым углом *cardo maximus* и *decumanus maximus* была создана новая система улиц, отличающаяся от прежней. В это же время в инсуле XXII были построены общественные бани с портиком из тосканских колонн, за пределами Каллевы возводился деревянный амфитеатр. Вокруг города выросли защитные земляные сооружения (т.н. *Inner Earthwork*).

Наиболее интересное сооружение было построено в центре города – на территории IX, IV, III, II и I инсул. Масштабы этого здания и его планировка пока до конца не определены, поскольку следы первоначальной застройки были смешаны и запутаны последующими переустройствами центра города при Флавиях и Антонинах. Двадцать лет назад М. Фулфорд настаивал на военном характере сооружения, полагая, что речь должна идти о претории [4, p. 19–23; 18, p. 7]. Последующие археологические изыскания не подтвердили подобную интерпретацию, но позволили предложить другую, соответствующую контексту развития всего региона.

Известно, что это здание занимало большую площадь, имело колонны тосканского и коринфского ордера, при его отделке использовался пёрбекский «мрамор», кампанский мрамор, кимериджинский камень [19, p. 5]. Крыша была покрыта черепицами с клеймом, содержащим имя Нерона (RIB, II, 2482.2–5)⁴, что указывает на заинтересованность императора в этом строительном проекте. Подобная заинтересованность очень необычна для Британии 50–60-х гг. и лишний раз свидетельствует о том, что мы имеем дело не с обычным зданием претории.

По времени с сооружением здания в центре Каллевы совпадают другие масштабные проекты – устройство городского поселения в Новиомаге, укрепление Венты бельгов, строительство бань и храмового комплекса в курортном городке Аквы Сулис (совр. Бат), но главное – работы по возведению дворцового комплекса в Фишборне. Все указанные мероприятия происходили на территориях, подконтрольных Тогиудубну, следовательно, именно «великий царь Британии» был их инициатором. Здание в Каллеве, схожее с дворцом в Фишборне, было городской резиденцией Тогиудубна, наглядно воплощавшей его власть и близость к Риму [19, p. 5–6]. Отметим, что это строение не было единственным каменным зданием в Каллеве Тогиудубна: в XXXV инсуле с привлечением средств коллегии peregrinorum был сооружён храм в классическом стиле [20, p. 122].

Интерес вызывает тот факт, что в строительстве дворца в центре Каллевы помощь Тоги-дубну оказал принцепс. С чем это могло быть связано? Вероятнее всего, Тоги-дубн оказал какую-то услугу императору и Риму. Мы склонны согласиться с предположением М. Фулфорда о том, что участие Нерона в строительстве дворца в Каллеве было актом благодарности за лояльность, проявленную в самый тяжёлый момент ранней истории провинции – во время восстания Боудикки [19, p. 6].

Как известно, восстание вспыхнуло, когда наместник Светоний Паулин руководил военной операцией на острове Мона. Быстрые успехи бриттов, разрушивших три важных города провинции, обративших в бегство часть IX легиона, создали серьёзную угрозу римской власти на острове (Тас. ann., XIV, 32–37). Однако археология и античная традиция сходятся в том, что территории, подчинённые Тоги-дубну, не пострадали от восстания⁵. Здесь сыграли свою роль и возведённые вокруг Каллевы, Новиомага и Венты укрепления, и наличие у царя собственных войск, которые, видимо, не участвовали в походе Светония Паулина. Если бы Тоги-дубн не сохранил верность Риму, то восстание могло охватить весь юго-восток, отрезав римского наместника от портов в Кантии, поставив под угрозу власть Рима над островом. Лояльность царя могла быть одним из решающих факторов итогового разгрома Боудикки, и Нерон не мог не оценить её по достоинству.

Удачливость Тоги-дубна, его бесспорное умение выстраивать отношения с Империей, косвенным подтверждением чего станет бескровная и спокойная реорганизация царства после его смерти, вложения принцепса и выгодное расположение города на дорогах, связывавших юг (Вента бельгов, Новиомаг), запад (Кориний, Глев) и восток (Лондиний) провинции – всё это способствовало бурному развитию Каллевы в 50–60-е гг. н.э. Археологические исследования фиксируют всплеск импорта континентальной керамики, появление новых кузниц и мастерских – кожевенных и гончарных [10, p. 121]. Состоятельные атребаты получили доступ к имперским предметам роскоши. Так, 50-ми гг. н.э. можно датировать изящную камею из чёрного стекла с изображением богини Аретузы, покровительницы Сиракуз [22]. Данный артефакт, подобные которому в римской Британии встречаются крайне редко, свидетельствует о наличии у жителей Каллевы вкуса к предметам римской роскоши и достаточного состояния, чтобы их приобретать; это, в свою очередь, делало город привлекательным для приезжих торговцев и ремесленников.

К 78 г. н.э. Тоги-дубна уже не было в живых. Его смерть означала конец единого Южного царства, территория которого была разделена на три *civitates*. Реорганизация царства не повлекла за собой волнений, подобных восстанию Боудикки. Имперские власти учли неудачный опыт ликвидации царства иценнов, кроме того, за время правления Тоги-дубна римская культура и образ жизни стали привычными.

Естественно, раздел царства не мог не повлиять на развитие Каллевы. Город, которому теперь предстояло быть центром *civitas* атребатов, вновь начал перестраиваться. Резиденция Тоги-дубна была разобрана, её камни пошли на строительство зданий в IX, III и II инсулах, а центром города стал форумо-базиликальный комплекс, строения которого были возведены из дерева [23, p. 47–49; 16]. Вновь изменилась планировка улиц – был проложен новый вариант *decumanus maximus*, расположенный севернее предыдущего, который, в свою очередь, превратился в дорогу к храмовому комплексу инсулы XXX [9, p. 141]. Изменение пространства наглядно демонстрировало всякому жителю и гостю Каллевы, что в жизни города начался новый этап, в котором царю и его дворцу нет места.

Впрочем, в данном случае речь не идёт о полном разрыве с традициями поселения – напротив, развитие Каллевы представляется последовательным и непрерывным. Город Флави-ев постепенно вырос из Каллевы Тоги-дубна. Смена политического и административного статуса не оказала серьёзного видимого влияния на экономику города и повседневную жизнь его обитателей.

Дальнейшее изменение городской планировки, развитие архитектуры и хозяйства может быть восстановлено подробно вследствие обилия материалов, полученных благодаря длительному археологическому изучению Силчестера и его окрестностей. Исследования центра города (прежде всего инсул IX, IV и II, на территории которых располагались форум и базилика), проводившиеся под руководством М. Фулфорда, позволяют установить основные периоды его переустройства [24].

Каллева времени Флави-ев состояла, за редким исключением, из деревянных строений [24]. Примерами таких построек могут служить торговые лавки и ремесленные мастерские, расположившиеся вдоль основных городских улиц [12, p. 272ff.; 20, p. 111–112; 24]. Деревянное здание базилики образовывало на форуме административное и хозяйственное сердце города. В конце I в. н.э. часть городских зданий, расположенных в пределах IX, II и III инсул, была перестроена в камне [13, p. 139]. Местное насе-

ление и провинциальные власти, видимо, рассчитывали на дальнейший рост города: границы поселения, созданные при Тогидубне (*Inner Earthwork*) были существенно расширены, их обозначала вновь созданная система рвов и валов (*Outer Earthwork*) [25, p. 27–65].

Дальнейшее развитие города видится умеренным по масштабу и не слишком последовательным. Некоторые из каменных строений эпохи Флавиев просуществовали не слишком долго – так, каменные дома инсулы IX были снесены уже к середине II в. н.э., их место заняло здание с деревянным каркасом, имевшее в качестве пристроек два крыла [24]. Позже, в последние десятилетия II – начале III в. н.э. старую систему земляных укреплений (*Outer earthwork*), служивших границами города, сменяет новая, предположительно связанная с каменными стенами [25, p. 66ff.]. При этом общая площадь городского пространства уменьшилась: видимо, предыдущая граница включала пустоши, которые могли стать частью города, но не стали [24].

В целом, развитие архитектуры Каллевы с конца I в. н.э. свидетельствует в пользу материального благополучия города. Появляются дорогие дома со сложной планировкой, множеством комнат различного назначения, портиками, садами, разбитыми во внутренних дворах, богато украшенными интерьерами [26, p. 46]. Плотность застройки была невысокой: часть пространства (даже в центре города) либо была занята садами, либо пустовала. На протяжении II в. н.э. город постепенно превращается из деревянного в каменный. Одним из первых подобную трансформацию пережило здание базилики, которое теперь украшали портики из колонн коринфского ордера. В XXX инсуле деревянные храмы сменились каменными сакральными комплексами романо-британского образца, к уже существующему храму, сооружённому на средства коллегии паломников в XXXV инсуле, добавилось несколько новых строений культового характера [20, p. 152–155]. Каменные строения жилого и хозяйственного назначения появились в IX инсуле [24]. В VIII инсуле возводится крупное (сравнимо по общей площади с форумом) жилое здание, предположительно отождествляемое с *mansion* [27, p. 252]. По соседству с ним были построены общественные бани [20, p. 139]. В то же время амфитеатр Каллевы, дважды перестраивавшийся, вплоть до начала III в. н.э. оставался деревянным [28, p. 183 ff.].

Развитие городского пространства и архитектуры, как кажется, свидетельствует о достаточно стабильной и спокойной жизни Каллевы.

Ей повезло больше, чем Лондинию и Веруламию II в. н.э.: город не тронули крупные пожары. При этом Каллева определённо имела удобное географическое положение. В городе сходилось несколько римских дорог, связывавших его с Кантием и с востоком острова (через Лондиний), а также с западными регионами (через Кориний) и южными областями бывшего царства Тогидубна (*It. Ant. it. VII, XIII–XIV*). Разнообразный импорт, включавший керамику (прежде всего *terra sigillata*), ювелирные изделия, подобные золотому ожерелью с бериллом, камее с ониксом, датируемой второй половиной II в. н.э., орудия труда (жернова для мельниц, сделанные в северной Галлии и на Рейне; ножи с ручками из слоновой кости), свидетельствует о достаточно интенсивных торговых контактах с другими регионами Империи [29–31]. Кроме того, Каллева стала центром ремесла: в городе с первых лет жизни провинции существовало достаточное количество разных промыслов. Кожевники трудились в районе VI инсулы, на территории X и XI инсул найдены следы очагов, использовавшихся для обработки зерна и пивоварения [20, p. 268, 282, 290]. Клады железных орудий труда, обнаруженные на севере I инсулы, свидетельствуют не только о существовании в городе нескольких кузниц, но и о развитии других ремёсел – плотницкого, сапожницкого [20, p. 182]. В районе I–IV инсул функционировала крупная мастерская по обработке костей и рогов диких животных: её изделия в обилии обнаружены ещё во время викторианских археологических экспедиций [32, p. 258].

При изучении населения Каллевы возникают знакомые по примеру других романо-британских городов трудности. Корпус надписей не очень велик: в него входит чуть больше 150 надписей (из них 24 монументальных). Памятники, в которых содержится информация о жителях Каллевы, составляют лишь треть от общего числа.

Впрочем, в результате археологических работ число надписей медленно, но всё же растёт. Важнейшие из находок последних лет сделаны в 2001–2002 гг. и 2013 г. Во время раскопок в IX инсуле были обнаружены два фрагмента монументальной надписи из пёрбекского «мрамора». К сожалению, на данный момент содержание надписи восстановить невозможно, уцелели лишь две строки с заглавными буквами «P» [33, p. 383–384]. Позже, в юго-восточном углу III инсулы исследователи извлекли часть ещё одной монументальной надписи с текстом «[...]VA[...]»⁶. Эта находка оказалась связана с фрагментом, известным со времён викторианских работ в Силчестере, который содержит

начала двух строк «IN M[...] | AT[...]» (RIB, I, 76). Речь, вероятнее всего, о двух разных посвященных надписях, относящихся к одному периоду – к третьей четверти I в. н.э., когда в Каллеве реализовывались амбициозные замыслы Тогидубна.

Этим же временем мы склонны датировать фрагменты трёх посвященных надписей из XXXV инсулы (RIB, I, 69–71)⁷. Они были связаны со строительством храма Марсу, о котором нам известно немного, поскольку первые строки надписей не сохранились. Тем не менее уцелевшие части содержат весьма интересную информацию. Храм был воздвигнут на средства коллегии peregrinorum Каллевы (RIB, I, 70–71), от лица коллегии участие в организации строительства и посвящении принимал некий Аттик (RIB, I, 69)⁸. Аналогии с надписями из других регионов Империи, приведённые в статье М. Фулфорда и Ш. Фриэра, позволяют с достаточной уверенностью утверждать, что peregrinarii в данном случае назывались выходцы с континента, не входившие в коллектив горожан [35, p. 169–171; 36, p. 24 ff.]⁹. Аттик и его коллеги, как нам представляется, были торговцами (и, возможно, ремесленниками), которых привлекли в Каллеву смелые строительные проекты Тогидубна.

Особый интерес представляют две надписи, связанные с семьёй Тамманиев. Одна, сохранившаяся не полностью, представляет собой посвящение Тита Таммония Виталиса, сына Сения Таммония, богу Геркулесу с эпитетом Сегон[ций?] (RIB, I, 67)¹⁰. Последний, вероятно, имел местное происхождение, так что перед нами результат религиозного *interpretatio* бриттских традиций во II в. н.э., которым по косвенным признакам можно датировать памятник. Вторая надпись, относящаяся к рубежу II–III вв. н.э., является надгробием, установленным Титом Тамманием Виктором на могиле жены, Флавии Викторины (RIB, I, 87)¹¹. Надписи Тамманиев позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, представители семьи были состоятельными и занимали видное положение среди городского населения на протяжении нескольких поколений. Во-вторых, вероятнее всего, Таммании были представителями романизированной местной аристократии. На примере трёх Тамманиев – Сения, Тита Виталиса и Тита Виктора – мы можем увидеть, как постепенно распространяется и укореняется римская традиция именования: Сений Таммоний в качестве *praenomen* берёт кельтское и достаточно распространённое в Британии имя¹², его потомки используют уже *tria nomina*, подчёркивая таким образом свою принадлежность к числу полноправных римских граждан.

Ещё одна монументальная надпись, ныне утраченная, датируется первыми десятилетиями III в. н.э. и содержит посвящение Юлии Августе, изготовленное усилиями Марка Флавия Сабина по чьему-то поручению (RIB, I, 69)¹³. Сложно сказать, кем был дедикант – перебравшимся в Каллеву уроженцем континента или романизированным бриттом; очевидно лишь, что данный памятник отражает определённый уровень усвоения имперской культуры в городе.

Некоторые дополнения к складывающейся картине позволяют сделать материал малых надписей. В них содержатся имена других торговцев и ремесленников, посещавших город или оставшихся здесь: это стеклодув Фронтин (чьи изделия также продавались в Камулоне), Юлий Беллатор, гончар Биргин, бондари Суалин и Герм[ес], какое-то отношение к бондарному ремеслу имела и женщина по имени Верктисса (RIB, II, 2419.116, 2422.25, 2491.81, 2442.08, 2442.22, 2442.26). Имя Беллатор часто встречается в Галлии, откуда, вероятнее всего, ремесленник был родом (E.g., CIL, XII, 4548; XIII, 2965). Галлом мог быть и Биргин (вероятно, искажённое написание имени «Бригин», встречающегося в Бельгии – CIL, XIII, 4691). Имена Суалина и Верктиссы, похоже, являются специфически бриттскими, так что их обладатели могли происходить из среды атребатов.

По нашим подсчётам, двадцать четыре надписи на керамике *terra sigillata* и других типов содержат имена их владельцев. По контексту находок можно сделать предположение, что значительная часть этих людей проживала в городе постоянно; большинство надписей датируется II в. н.э. Все имена вполне типичны для Империи и могли принадлежать как бриттам, так и мигрантам. Исключение составляют два – *Atinionis* и *Minutionis* (RIB, II, 2503.194, 2503.349). Эти имена, не встречающиеся в других эпиграфических памятниках, представляют собой местные формы распространённых в провинции и на континенте имён *Atinius* и *Minutus*. Их носители, вероятнее всего, происходили из числа романизированных атребатов. Интересно также отсутствие в данной группе надписей указаний *tria nomina* (и в полном, и в сокращённом виде). Это может указывать на отсутствие у данных горожан прав гражданства; вероятнее всего, перед нами представители средних слоёв населения, имевших некоторый достаток и вкус к имперским предметам, но – в отличие от семьи Тамманиев – не принадлежавших к элите атребатов.

Ряд надписей указывает также на постепенное усвоение латинского языка жителями Каллевы. В одном случае неизвестный и, вероятно,

уставший работник оставил на необожжённой черепице короткое послание – «*satis*» (RIB, II, 2491.159). Другая надпись представляет собой длинное предложение со слегка абсурдным смыслом: «*Pertacus perfidus | Campester Lucilianus | Campanus conticuere omnes*» (RIB, II, 2491.148)¹⁴. В тексте встречаются 15 разных латинских букв, что – вкуче с явной аллюзией к Вергилию (Aen., II.1: *conticuere omnes*) – позволяет считать эту надпись упражнением для тех, кто осваивал латинскую грамоту. Процесс распространения латыни подтверждают многочисленные находки письменных принадлежностей (стилосов, пустых табличек для письма). Нам представляется, что появление во II–III вв. н.э. как этих надписей, так и памятников, принадлежащих Таммониям, указывает на латинизацию города: аристократия осваивала новые способы общения с населением, которое, в свою очередь, уже могло эти послания понять. Впрочем, скудость эпиграфических памятников Каллевы *per se* является свидетельством в пользу того, что большую часть населения города составляли бритты, а процесс распространения латыни не означал усвоения эпиграфической традиции.

В пользу значительного присутствия атребатов в составе городского населения свидетельствует преемственность некоторых элементов повседневной жизни. В частности, в римский период продолжается традиция изготовления глиняных сосудов со множеством отверстий в стенках [39]. Назначение подобных предметов неясно, они могли использоваться для измерения времени или для особого режима хранения продуктов; важно, что повседневная привычка, являющаяся сугубо специфической чертой Каллевы доримского времени, сохраняется и в римский период. Сочетание местных и имперских традиций заметно в трансформации рациона жителей города. Помимо привозных продуктов (вина, соусов, масла) население стало употреблять в пищу устриц местного происхождения [40, p. 107]¹⁵. Среди животных чаще ели баранину и козлятину, в то время как говядина и свинина, преобладавшие в диетах армейских гарнизонов, колоний и Лондиния, имели меньшее значение [40, p. 174, 181, 185]. Существование местного и пришлого проявлялось и в религиозной сфере: официальный культ Юпитера соседствовал с почитанием Сераписа и преемственностью бриттских сакральных традиций. Иногда, как в случае культа Геркулеса-Сегон[...] можно говорить о синтезе местных и имперских традиций [41].

Каллева представляется городом, в развитии которого своеобразно сочетались местные и

имперские элементы. В отличие от М. Фулфорда, мы полагаем, что население Каллевы Тогидубна не сильно отличалось от доримского времени, более того, именно бритты впоследствии составляли значительную часть населения¹⁶. Образец отношения к Риму был показан самим Тогидубном, власть, амбиции и возможности которого – вкуче с удобным расположением самой Каллевы – привлекали в регион торговцев и ремесленников. Царём и его окружением был задан импульс процессам культурного взаимодействия, в результате которого местная аристократия, подобно семье Таммониев, превратилась в достойных римских граждан. После реорганизации царства Каллева продолжала развиваться как типичный провинциальный город, однако темп и масштабы этого развития уступали царскому «замаху». Этому способствовал комплекс причин: находящийся неподалёку Лондиний был связан с большим числом важнейших дорог провинции и к тому же был ставкой прокуратора, что делало его привлекательнее для активных переселенцев с континента. Внутренняя же причина, на наш взгляд, заключалась в живучести, стойкости местных культурных традиций, которые (вместе с их приверженцами) не растворились в мире Империи.

Несколько иным было развитие других городов, возникших на территории царства Тогидубна, – Новиомага и Венты бельгов. К сожалению, данные центры меньше изучены археологами, чем Каллева, поэтому наши представления об их жизни несколько схематичны и могут не вполне достоверно отражать историческую реальность¹⁷.

Нам представляется, что Каллева была важнейшим и наиболее близким к имперским образцам городом региона: об этом свидетельствует и площадь города, и число эпиграфических памятников, и количество римских артефактов. Причин подобного «каллевоцентризма» может быть несколько. Возвышению города способствовал географический фактор. В Каллеве пересекались дороги, соединявшие разные части острова. Расположенный поблизости от удобных природных гаваней Новиомаг был в то же время отдалён от сухопутных путей, а Вента могла быть связующим звеном лишь в отношении западных и юго-западных областей Британии. Ещё одну причину следует искать в развитии региона в доримское время. Каллева и здесь выделяется на общем фоне: *oppidum* обретает некоторые черты римского города (в частности, регулярную планировку) ещё до римского завоевания. Связи Новиомага и Венты с крупными поселениями позднего железного века до

конца неясны, но с достаточной уверенностью можно утверждать, что прямой преемственности не существовало. Нельзя исключать и «субъективный» фактор: Тогидубн мог выбрать Каллеву в качестве центра своего царства по каким-либо личным причинам. За Тогидубном следовали местные аристократы, стремившиеся сохранить своё положение в обществе атребатов, в результате значительная часть местной элиты могла обосноваться в Каллеве и её окрестностях. Вместе с аристократией в Каллеву стягивались ресурсы, с помощью которых знать пыталась «переформатировать» своё высокое положение в социальной иерархии, потребляя заморские товары, всё глубже усваивая имперский образ жизни. Бритты, сформировавшие общины Новиомага и Венты, были беднее, чем знать Каллевы, и потому развитие этих городов было не столь масштабным.

Возникнув как провинциальные города, Каллева, Новиомаг и Вента стали важнейшими центрами взаимодействия культур на юге Британии. Их облик постепенно менялся, обретая черты типичного города римской провинции, в города прибывали торговцы и ремесленники, укоренялись обычаи и привычки, характерные для жителей римского мира, распространялись религиозные культы Империи. В большем масштабе эти процессы проходили в Каллеве, несколько менее заметны они в Новиомаге и – особенно – в Венте. При этом во всех рассматриваемых городах местные традиции не исчезли совсем, но продолжили своё существование; гарантией их сохранения было то, что основную часть городского населения составляли атребаты, которые, несмотря на возникшую и крепнущую интегрированность в новый культурный мир, не перестали быть бриттами, не утратили в полной мере свою идентичность. Взаимодействие и сосуществование «бриттского» и «имперского» культурных компонентов и обусловило специфическое развитие как всего региона, так и его наиболее значимого городского центра – Каллевы.

Примечания

1. Систематическое изучение слоёв доримского поселения началось в 2015 году, предварительные результаты, способные существенно уточнить наши представления о Каллеве железного века, будут известны не ранее осени 2016 года.

2. Дж. Крайтон полагает, что Эппил мог быть связан как с Восточной династией, так и с Южной; возможно, он был сыном от междинастического брака [7, p. 108–112; 8, p. 612–615].

3. По мнению М. Фулфорда, Эпатикк был «чиновником», лицом, которого Кунобелин назначил управителем Каллевы, в чью ответственность входил сбор налогов и контроль за лояльностью территории [5,

p. 19]. Дж. Крайтон, во-первых, указывает на вероятное происхождение Эпатикка от правителя триновантов Тасциована, а во-вторых, допускает возможность того, что Эпатикк выступал посредником в отношениях между Южным и Восточным царствами, и его появление в Каллеве могло быть результатом союза между ними [9, p. 64].

4. «Ner(o) Cl(audius) Cae(sar) Aug(ustus) G(e)r(manicus)».

5. Найденные в нескольких районах города следы пожара исследователи связывают с восстанием Боудикки; нам такая привязка кажется на данный момент не очень убедительной [21, p. 2].

6. В надписи, видимо, упоминалась община атребатов; если будут обнаружены новые фрагменты (недавняя находка вселяет определённый оптимизм), то удастся уточнить контекст и её общий смысл. Окончательной публикации с подробным комментарием ещё не было; на данный момент мы располагаем пресс-релизом археологической службы Рэдингского университета (со ссылкой на мнение Роджера Томлина, ведущего специалиста по романо-британской эпиграфике) и фотографиями фрагментов [34].

7. Отметим, что это лишь предположение, основанное на косвенных признаках: внешняя синхронность с надписью коллегии ремесленников Новиомага (RIB, I, 91), качестве работы резчика, наносившего текст, и материале надписи — пёрбекский мрамор, в основном использовался для надписей в I в. Нельзя полностью исключать вероятность более позднего изготовления надписей — быть может, их вырезали во II в., когда город перестраивался в камне.

8. Общепринятые реконструкции надписей на сегодняшний день таковы: RIB, I, 69: «[...] I(...) Attici | ...]apacis | [sine stipibus au]t collati[onibus sibi com]missum | [a collegio peregr]i[nor]u[m] | [c(onsistentium) C(allevae) donum d(e) s(uo) d(edit)/d(ederunt)]; RIB, I, 70: « [...] r[...] | [...] mui[...] | [sine collat]ionibu[s] | [commiss]um sibi a con]um d(e) s(uo) d(edit)»; RIB, I, 71: « [...] Marti[...] | [...] collatio[nibus] | [sibi com]missum a col[legio] | [peregrin]orum c(onsistentium) C(allevae) [donum] | d(e) s(uo) d(edit)».

9. Об объединениях мигрантов-чужеземцев в городах римской Империи см. статью К. Вербовена [37]. Интересно (и несколько удивительно), что автор не привлекает в своей работе надписи из Каллевы.

10. Deo Her[culi] | Saego[...] | T(itus) Tammon[ius] | Saeni Tammon[i fil(ius)] | Vitalis ob hono[rem] | [...]. Мы следуем издателям RIB в трактовке слова «Saego[...]» как имени местного божества. Иного мнения (впрочем, без развёрнутой аргументации) придерживается Ричард Мэсси, реконструирующий слово как «*Saegontiaci*». Племя сегонтиаков упоминалось Цезарем (и только им), но нет никаких оснований полагать, что оно проживало в Каллеве (если вообще сохранилось до времени появления провинции) и имело какое-то отношение к данному посвящению [8, p. 18].

11. Memoriae | Fl(aviae) Victori- | nae T(itus) Tam(monius) | Victor | coniunx | posuit. На относительно позднюю датировку указывает начальная формула «*memoriae*».

12. Известны монеты позднежелезного времени с именем «Саепп», чеканившиеся правителем иценов (PAS: CCI-00569), имя Сенний встречается также в надписи легионера из Эборака (RIB, I, 685) [38, p. 16]. *Noten* Таммоний также, вероятнее всего, бриттского происхождения. В известном нам корпусе эпиграфики он, если отбросить Каллеву, встречается лишь в одной надписи из Нумидии (CIL, VIII, 20177) и – возможно, но не наверняка – в одном памятнике Нижней Германии (AE 1968, 358).

13. *Iuliae Aug(ustae) | matri se- | natus et | castrog(um) | M(arcus) Sabinius | Victor ob | [...]*.

14. В буквальном переводе: «Ненадёжный Пертак, Кампестер, Луциллиан и Кампан — *смогли все*».

15. Британских устриц упоминает Ювенал, что говорит об их определённой репутации в Империи (Iuv. Sat. IV, 140–142).

16. Остаётся лишь сожалеть, что на данный момент не известно ни одного городского некрополя — подобный материал мог бы существенно обогатить наши знания о населении Каллевы.

17. Новиомагу повезло чуть больше: в нём регулярно проводились археологические работы (пусть и уступающие по масштабу Каллеве и Фишборну), организатором и вдохновителем которых был Алек Даун [42].

Список литературы

1. Mattingly D. An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire. L.: Penguin Books, 2007. 640 p.
2. Hingley R. The Recovery of Roman Britain 1586–1906. A Colony So Fertile. Oxford: Oxford University Press, 2008. 408 p.
3. Fulford M., Clarke A. Victorian excavation methodology: The Society of Antiquaries at Silchester in 1893 // *Antiquaries Journal*. 2002. V. 82. P. 285–306.
4. Fulford M. Silchester: The Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation // TRAC 2014: Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Theoretical Archaeology Conference, 2014 / Ed. T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith. Oxford: Oxbow Books, 2015. P. 114–121.
5. Fulford M. Silchester: the Early Development of a Civitas Capital // Roman towns: the Wheeler Inheritance / Ed. S. J. Greep. York: CBA Research Report 93, 1993. P. 16–33.
6. Coates R. The Place-Names of Hampshire. L.: Batsford, 1989. 193 p.
7. Creighton J. Coins and Power in Late Iron Age Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.
8. Massey R. The Emergence of Atrebatic Kingdoms. Settlement Change and Social Formation in the Late Pre-Roman Iron Age of Central Southern Britain. PhD Thesis. Reading: The University of Reading, 2006. V. I–II.
9. Creighton J. Britannia. The Creation of Roman Province. L.: Routledge, 2006. 192 p.
10. Fulford M., Rippon S., Ford S., Timby J., Williams B. Silchester: Excavations at the North Gate, on the North Walls, and in the Northern Suburbs 1988 and 1991–1993 // *Britannia*. 1997. V. 28. P. 87–168.
11. Fox A. The Early Plan and Town Houses of Silchester // *Antiquity*. 1948. V. 22. P. 172–178.
12. Wachter J. The Towns of Roman Britain. L.: Batsford, 1978. 460 p.
13. Clarke A., Fulford M. The excavation of Insula IX, Silchester: the first five years of the ‘Town Life’ Project, 1997–2001 // *Britannia*. 2002. V. 33. P. 129–166.
14. Fulford M., Clarke A., Lucas S. Silchester Insula IX: The ‘Town Life’ Project 2010. Reading: The University of Reading, 2011. 12 p.
15. Fulford M., Clarke A., Pankhurst N., Lucas S. Silchester Insula IX: The ‘Town Life’ Project 2011. Reading: The University of Reading, 2012. 12 p.
16. Fulford M., Timby J. Late Iron Age and Roman Silchester: Excavations on the Site of the Forum–Basilica 1977, 1980–1986. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 2000. 613 p.
17. Барышников А.Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? // *Древности 2014–2015*. Харьков: Издательство ХНУ, 2015. С. 38–48.
18. Fulford M., Clarke A., Pankhurst N., Lucas S. Silchester Insula IX: The ‘Town Life’ Project 2012. Reading: The University of Reading, 2013. 12 p.
19. Fulford M. Nero and Britain: the Palace of the Client King at Calleva and Imperial Police towards the Province after Boudicca // *Britannia*. 2008. V. 39. P. 1–13.
20. Boon G.C. Silchester: the Roman Town of Calleva. L.: David and Charles, 1974. 379 p.
21. Fulford M., Clarke A. Silchester Insula IX: The «Town Life» Project 2006–2009. Reading: The University of Reading, 2010. 12 p.
22. Henig M., Greenaway J. A Moulded Glass Cameo from Silchester // *Britannia*. 1975. V. 6. P. 209–210.
23. Fulford M. Excavations on the Sites of the Amphitheatre and Forum-Basilica at Silchester, Hampshire: an Interim Report // *The Antiquaries Journal*. 1985. V. 65 (1). P. 39–81.
24. Clarke A., Fulford M., Rains M., Tootell K. Silchester Roman Town Insula IX: the Development of an Urban Property c. AD 40–50 — c. AD 250 // *Internet Archaeology*. 2007. № 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://intarch.ac.uk/journal/issue21/silchester_toc.html
25. Fulford M., Corney M. Silchester: Excavations on the Defences, 1974–1980. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 1984. 301 p.
26. Perring D. The Roman House in Britain. L.: Routledge, 2002. 268 p.
27. Clarke A., Eckardt H., Fulford M. Life and Labour in Late Roman Silchester: Excavations in Insula IX since 1997. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 2006. 404 p.
28. Fulford M. The Silchester Amphitheatre: Excavations of 1979–1985. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 1989. 197 p.
29. Henig M. An Onyx Cameo from Silchester // *Britannia*. 1995. V. 26. P. 306–308.
30. Allen J.R.L. A Rhenish Pompeiian-style Mill from Early Roman Silchester (Calleva Atrebatum) // *Britannia*. 2012. V. 43. 260–268.
31. Allen J.R.L. Rotary Querns of Alderney Sandstone from Brading and Silchester in Roman Britain: A New and Rare Import // *Britannia*. 2013. V. 44. P. 247–250.
32. Bacon J., Crummy N. Bone- and Antler-Working at Silchester: Evidence from Early Excavations // *Britannia*. 2015. V. 46. P. 251–262.

33. Chapman E.M., Hunter E., Booth P., Wilson P., Worrell S., J. Pearce, Tomlin R.S.O. Roman Britain in 2014 // *Britannia*. 2015. V. 46. P. 281–420.
34. Signpost to the Past [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reading.ac.uk/news-and-events/releases/PR654331.aspx>.
35. Frere Sh.S., Fulford M. The Collegium Peregrinorum at Silchester // *Britannia*. 2002. V. 33. P. 167–175.
36. Noy D. Epigraphic Evidence for Immigrants at Rome and in Roman Britain // *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire* / Ed. H. Eckardt. Portsmouth, Rhode Island: Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 2010. P. 13–26.
37. Verboven K. Resident Aliens and Translocal Merchant *Collegia* in the Roman Empire // *Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire* / Ed. O. Hekster, T. Kazier. Leiden-Boston: Brill, 2011. P. 335–348.
38. Birley A. *The People of Roman Britain*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980. 224 p.
39. Fulford M., Timby J. Timing Devices, Fermentation Vessels, 'Ritual' Piercings? A Consideration of Deliberately 'Holed' Pots from Silchester and Elsewhere // *Britannia*. 2001. V. 32. P. 293–297.
40. Cool H.E.M. *Eating and Drinking in Roman Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 300 p.
41. Boon G.C. Sarapis and Tutela: A Silchester Coincidence // *Britannia*. 1973. V. 4. P. 107–114.
42. Down A. *Roman Chichester*. Chichester: Phillimore, 1988. 128 p.

THE URBANIZATION OF SOUTH-EAST ROMAN BRITAIN: THE CASE OF CALLEVA ATREBATUM

A.Ye. Baryshnikov

The paper considers the history of Calleva atrebatum (modern Silchester), one of the most important towns of south-east Britain. There were three key factors which determined the origin and development of Roman Calleva. The first one is geographical. Calleva occupied a very important position in the road network of the Roman province. It was the crossing of the routes which connected south, west and east regions of Britain. The second factor is local pre-Roman culture. Many traditions and habits from Late Iron Age did not disappear in the Roman town but continued and influenced Calleva's everyday life. The activities and the policy of Tiberius Claudius Togidubnus, the last ruler of the Southern Dynasty, was the third factor. He made Calleva the most important town of his land and thus determined the further development of the town.

Keywords: Roman Britain, south-east Britain, Togidubnus, urbanization, Romanization, Calleva atrebatum.

References

1. Mattingly D. *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. L.: Penguin Books, 2007. 640 p.
2. Hingley R. *The Recovery of Roman Britain 1586–1906. A Colony So Fertile*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 408 p.
3. Fulford M., Clarke A. Victorian excavation methodology: The Society of Antiquaries at Silchester in 1893 // *Antiquaries Journal*. 2002. V. 82. P. 285–306.
4. Fulford M. Silchester: The Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation // *TRAC 2014: Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Theoretical Archaeology Conference, 2014* / Ed. T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith. Oxford: Oxbow Books, 2015. P. 114–121.
5. Fulford M. Silchester: the Early Development of a Civitas Capital // *Roman towns: the Wheeler Inheritance* / Ed. S. J. Greep. York: CBA Research Report 93, 1993. P. 16–33.
6. Coates R. *The Place-Names of Hampshire*. L.: Barsford, 1989. 193 p.
7. Creighton J. *Coins and Power in Late Iron Age Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.
8. Massey R. *The Emergence of Atrebatian Kingdoms. Settlement Change and Social Formation in the Late Pre-Roman Iron Age of Central Southern Britain*. PhD Thesis. Reading: The University of Reading, 2006. V. I–II.
9. Creighton J. *Britannia. The Creation of Roman Province*. L.: Routledge, 2006. 192 p.
10. Fulford M., Rippon S., Ford S., Timby J., Williams B. Silchester: Excavations at the North Gate, on the North Walls, and in the Northern Suburbs 1988 and 1991–1993 // *Britannia*. 1997. V. 28. P. 87–168.
11. Fox A. The Early Plan and Town Houses of Silchester // *Antiquity*. 1948. V. 22. P. 172–178.
12. Wachter J. *The Towns of Roman Britain*. L.: Batsford, 1978. 460 p.
13. Clarke A., Fulford M. The excavation of Insula IX, Silchester: the first five years of the 'Town Life' Project, 1997–2001 // *Britannia*. 2002. V. 33. P. 129–166.
14. Fulford M., Clarke A., Lucas S. Silchester Insula IX: The 'Town Life' Project 2010. Reading: The University of Reading, 2011. 12 p.
15. Fulford M., Clarke A., Pankhurst N., Lucas S. Silchester Insula IX: The 'Town Life' Project 2011. Reading: The University of Reading, 2012. 12 p.
16. Fulford M., Timby J. Late Iron Age and Roman Silchester: Excavations on the Site of the Forum-Basilica 1977, 1980–1986. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 2000. 613 p.
17. Baryshnikov A.E. Skol'ko nuzhno Togidubnov dlya pokoreniya Britanii? // *Drevnosti 2014–2015*. Har'kov: Izdatel'stvo HNU, 2015. S. 38–48.
18. Fulford M., Clarke A., Pankhurst N., Lucas S. Silchester Insula IX: The 'Town Life' Project 2012. Reading: The University of Reading, 2013. 12 p.
19. Fulford M. Nero and Britain: the Palace of the Client King at Calleva and Imperial Police towards the Province after Boudicca // *Britannia*. 2008. V. 39. P. 1–13.

20. Boon G.C. *Silchester: the Roman Town of Calleva*. L.: David and Charles, 1974. 379 p.
21. Fulford M., Clarke A. *Silchester Insula IX: The «Town Life» Project 2006–2009*. Reading: The University of Reading, 2010. 12 p.
22. Henig M., Greenaway J. A Moulded Glass Cameo from Silchester // *Britannia*. 1975. V. 6. P. 209–210.
23. Fulford M. Excavations on the Sites of the Amphitheatre and Forum-Basilica at Silchester, Hampshire: an Interim Report // *The Antiquaries Journal*. 1985. V. 65 (1). P. 39–81.
24. Clarke A., Fulford M., Rains M., Tootell K. *Silchester Roman Town Insula IX: the Development of an Urban Property c. AD 40–50 – c. AD 250* // *Internet Archaeology*. 2007. № 21. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://intarch.ac.uk/journal/issue21/silchester_toc.html
25. Fulford M., Corney M. *Silchester: Excavations on the Defences, 1974–1980*. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 1984. 301 p.
26. Perring D. *The Roman House in Britain*. L.: Routledge, 2002. 268 p.
27. Clarke A., Eckardt H., Fulford M. *Life and Labour in Late Roman Silchester: Excavations in Insula IX since 1997*. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 2006. 404 p.
28. Fulford M. *The Silchester Amphitheatre: Excavations of 1979–1985*. L.: Society for Promotion of Roman Studies, 1989. 197 p.
29. Henig M. An Onyx Cameo from Silchester // *Britannia*. 1995. V. 26. P. 306–308.
30. Allen J.R.L. A Rhenish Pompeiian-style Mill from Early Roman Silchester (Calleva Atrebatum) // *Britannia*. 2012. V. 43. 260–268.
31. Allen J.R.L. Rotary Querns of Alderney Sandstone from Brading and Silchester in Roman Britain: A New and Rare Import // *Britannia*. 2013. V. 44. P. 247–250.
32. Bacon J., Crummy N. Bone- and Antler-Working at Silchester: Evidence from Early Excavations // *Britannia*. 2015. V. 46. P. 251–262.
33. Chapman E.M., Hunter E., Booth P., Wilson P., Worrell S., J. Pearce, Tomlin R.S.O. Roman Britain in 2014 // *Britannia*. 2015. V. 46. P. 281–420.
34. Signpost to the Past [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.reading.ac.uk/news-and-events/releases/PR654331.aspx>.
35. Frere Sh.S., Fulford M. The Collegium Peregrinorum at Silchester // *Britannia*. 2002. V. 33. P. 167–175.
36. Noy D. Epigraphic Evidence for Immigrants at Rome and in Roman Britain // *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire* / Ed. H. Eckardt. Portsmouth, Rhode Island: Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 2010. P. 13–26.
37. Verboven K. Resident Aliens and Translocal Merchant *Collegia* in the Roman Empire // *Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire* / Ed. O. Hekster, T. Kazier. Leiden-Boston: Brill, 2011. P. 335–348.
38. Birley A. *The People of Roman Britain*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980. 224 p.
39. Fulford M., Timby J. Timing Devices, Fermentation Vessels, 'Ritual' Piercings? A Consideration of Deliberately 'Holed' Pots from Silchester and Elsewhere // *Britannia*. 2001. V. 32. P. 293–297.
40. Cool H.E.M. *Eating and Drinking in Roman Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 300 p.
41. Boon G.C. Sarapis and Tutela: A Silchester Coincidence // *Britannia*. 1973. V. 4. P. 107–114.
42. Down A. *Roman Chichester*. Chichester: Phillimore, 1988. 128 p.